

А.А. Косенко

Запорожский национальный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА АНТИХРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА

Одной из актуальных задач современного отечественного литературоведения является исследование вопроса о традиционных сюжетах и образах (ТСО). Особенно активно над данной проблемой работают представители «черновицкой школы», рассматривая в свете созданной ими теории самые различные произведения (А. Волков [12], А. Нямцу [19], [20], А. Антофийчук [8], К. Титянин [24], Г. Драненко [14] и др.).

А. Нямцу предлагает следующие определение традиционного материала: «сюжеты, образы и мотивы, которые с определенной закономерностью повторяются в литературе разных времен и народов, получая новое, более созвучное эпохе-реципиенту содержательное наполнение и идейно-семантическое звучание» [20, 10]. «По содержательным характеристикам большинство традиционных образов является своеобразными психологическими типами или поведенческими моделями, которые отражают сущностные стороны индивидуального или коллективного бытия»; «они воспринимаются в читательском сознании как образы-символы (знаки, понятия, эмблемы), становящиеся многофункциональными при включении их в духовное сознание другой культурно-исторической эпохи, достигшей иного видения и понимания окружающего мира и природы человека» [20, 12].

Данный материал классифицируют по источнику происхождения: антично-мифологический, фольклорный, литературный, исторический. Большую группу составляют также сюжеты и образы христианской религиозно-мифологической системы (Христос, Иуда, Дева Мария, Мария Магдалина и т.д.), неоднократно использованные и трансформированные различными писателями.

Исследователи давно утвердились во мнении, что повышенный интерес к мифу (в том числе и христианскому) наблюдается в переломные моменты исторического развития. Зримо прослеживается данная тенденция и в русской литературе рубежа XIX-XX веков (творчество М. Волошина, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Андрея Белого, А. Блока и многих других).

Вопрос о специфике трансформации традиционных персонажей христианской религиозно-мифологической системы в прозе и драматургии Л. Андреева, «сына своего времени» [20, 12], писателя, «всесторонне воплотившего» [26, 133] свою эпоху, часто поднимался литературоведами. Неоднократно внимание андрееведов привлекали художественные варианты традиционных образов Иова («Жизнь Василия Фивейского»,

«Анатэма»), Христа, Иуды, апостолов («Иуда Искарот»), Лазаря («Елеазар») и т.д. К исследованию различных аспектов данной проблемы обращались Ю. Бабичева [9], А. Нямцу [19], И. Московкина [17], Е. Михеичева [16] и многие другие.

Несмотря на то, что имплицитно присутствующий во многих произведениях Л. Андреева образ Антихриста не остался незамеченным литературоведами ([10], [13], [16], [17], [18], [22], [23] и т.д.), целостное рассмотрение особенностей его «перевоссоздания» в свете теории ТСО, результатом которого стало бы выявление основных тенденций, закономерностей, детерминант трансформации, отсутствовало.

Цель данной статьи – анализ специфики художественного использования образа Антихриста Л. Андреевым в свете теории традиционных сюжетов и образов.

Задачи:

- Охарактеризовать образ Антихриста как традиционный (представить семантическую модель, рассмотреть в широком культурно-литературном контексте).

- Определить форму творческого использования, специфику, тенденции и закономерности «перевоссоздания» данного образа в творчестве Л. Андреева.

- Определить детерминанты активного обращения писателя к данному образу, специфики его трансформации.

«Миф об Антихристе частью сложился из библейских текстов, частью из апокрифов, он сформировался как антитекст по отношению к мифу о Христе» [11, 34]. Данный образ принадлежит сфере эсхатологического мифа. Антихрист – Лжеучитель, Лжепророк в «маске» Христа. Содержательные доминанты протообраза: «греховность», «зло», «разрушение», «обман», «самозванство». Семантическая модель: «фальшивый», «темный двойник». В художественной литературе и публицистике с ним, как правило, связаны мотивы Апокалипсиса.

Образ Антихриста возникает уже в средневековой литературе. Так, «в немецком стихотворном произведении IX в. «Муспилли» анонимный автор повествует о битве Илии с Антихристом. У французского автора X в. Адсо из Туля в прозаическом произведении «Об Антихристе» главой христианского мира и главным противником Антихриста изображается французский король, в немецкой драме на латинском языке «Действо об Антихристе» (XII в) – германский император» [7, 86].

К данному образу часто обращаются в условиях острой религиозно-политической борьбы [7, 86] (например, «Антихристом» называли папу римского протестанты). В народном сознании с Антихристом ассоциируются реформаторы или враги народа, захватчики: патриарх Никон, Петр I, Наполеон и т.д. (тенденция мифологизации исторических личностей). Реальные события воспринимаются в свете категорией мифических действий (борьба Добра со Злом, гибель мира).

Закономерно, что в кризисные моменты истории, сопровождающиеся катаклизмами и апокалипсическими предсказаниями, образ Антихриста становится особенно «популярным». Так, в конце XIX – нач. XX вв. громко звучат мысли о неизбежном «конце» старого мира, а после событий 1917 г. широкое распространение получают философские идеи о кризисе европейской цивилизации: О. Шпенглер («Закат Европы»), Р. Генон («Кризис современного мира»), Н. Бердяев («Конец Европы»). «Эсхатологическую окраску приобретала повседневная жизнь, и даже политика (поражение в русско-японской войне воспринималось как начало нашествия азиатов на Европу – исконно апокалиптическая тема); идеи финализма занимали центральное место в философии истории того времени» [25, 47]).

Апокалиптика этого периода фиксируется такими памятниками, как «Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса» М. Барсова, «Апокалипсис в русской поэзии», «Антихрист» Андрея Белого, «Грядущий хам», «Христос и Антихрист» Д. Мережковского, «Повесть об Антихристе» В. Соловьева, «Конь бледный» Б. Савинкова, «Апокалипсис нашего времени» и «Звериное число» В. Розанова, «Армагеддон», «В годину гнева» М. Волошина, «Конь Блед» В. Брюсова и т.д. Писатели интерпретируют и трансформируют данный материал в соответствии с реалиями своего времени («осовременивают»). «Предчувствие конца света, наступление последних времен – тема, которая звучит в литературе модернизма с проникновенной силой и ужасающей убедительностью» [21, 235].

В. Васильев рассматривает «миф о Христе и Антихристе» как «архетипический сюжет» всей русской литературы [11, 34].

«Богоборец» Л. Андреев отвергает христианство как догмат, но принимает как мифологию [22, 219]. В его произведениях образ Лжепророка присутствует в подтексте: с ним соотносятся многие персонажи-современники. Посредством разнообразных аллюзий и реминисценций писатель актуализирует семантические связи между фигурами актуально-реального и «вневременного» планов. Следствием «узнавания» в современнике традиционного образа становится обновление его семантики [19, 78], создание иллюзии «вечного повторения», цикличной смены одних и тех же «масок», «ролей» и, одновременно, нарушение принципа идентичности героя (который уже не равен сам себе). Актуализация ассоциаций с ТО – средство универсализации проблематики, непрямого включения событий современности в «контекст вечности». «У Андреева социальное оказывается окном в бесконечность, бесконечное оформляется с помощью мифа» [22, 209].

Многозначность традиционных фигур, наряду с относительной стабильностью семантических доминант, потенциальная предрасположенность к комбинированию [20, 27] обуславливают возможность контаминации их содержательных комплексов: образ может

соотноситься с несколькими традиционными (возникает так называемый «ассоциативный ряд»).

Персонажи-современники Л. Андреева часто ассоциируются одновременно с ТЮ Антихриста и Христа. Их желание «спасти мир» в сочетании с неприятием пассивной жертвы Иисуса оборачивается осознанием необходимости решительных действий, борьбы, оправданием «крови по совести». Так, анархист Тропинин (драма «Савва»), сознательно сравнивающий себя с Христом [5, т.2, 384], [5, т.2, 422] и в то же время отрицающий идеи смирения, непротивления, мечтает о глобальном разрушении. «Жестокий Мессия» доказывает возможность «обновления» «старого мира» только через его полное уничтожение (идея, получившая широкое распространение в современную писательскую эпоху, отмеченную одновременным подъемом эсхатологических и утопически-мессианских настроений). «Современный Христос» – это и есть Антихрист. На целесообразность проведения параллели указывают самооценка Саввы («Антихрист, скажут, пришел» [5, т.2, 404]; «Настало мне время прийти, и я пришел ... Время настало!... И не я, так другой, а вашему миру придется худо, сочтены дни и часы его измерены» [5, т.2, 422]), его восприятие Олимпиадой («Антихрист!» [5, т.2, 439]), Кондратием [5, т.2, 438].

Сашка («Сашка Жегулев») – «деревянная болванка, знакомая издавна, это все тот же изжеванный русскою литературою «агнец», – то есть баран, приносящий себя в жертву за «грехи мира», возлагающий на себя бремя неудобноносимое...» [15, 328]. «Мать этого стремления – Византия, христианство, а Саша Погодин – воплощение его...» [5, 450]. Он страстно желает облегчить народное страдание и ради этого жертвует своей моральной чистотой, становится атаманом лесных разбойников, с именем которого начинают связывать «все страшное, кровавое и жестокое» [6, т.4, 172].

Но «утверждая право человека на бунт против «страшного мира», Андреев, – по словам И. Московкиной, – «как и Достоевский, предупреждает о существовании границы, переступление которой неминуемо оборачивается против самого человека и его человеческой природы» [17, 146]. Так, одновременно с превращением благородного юноши Погодина в жестокого убийцу Жегулева происходит смена «вневременных параллелей»: Христос становится Антихристом.

Мнит себя Антихристом и «наследник» Саввы, Фома Магнус («Дневник Сатаны»): «Теперь время иных чаяний и иных чудес. Он обещал воскресение всем мертвым, я обещаю воскресение всем живым, За Ним шли мертвые, за мною...за нами пойдут живые» [2, т.6, 203]. Одержимый идеей уничтожения мира, он видит свою задачу в том, чтобы «очистить землю» от «двуногой мрази» [2, т.6, 227], пустив «смерть в загородку» [2, т.6, 227]. Мизантропия Магнуса – следствие глубокого разочарования в любви: прекрасная Мария, которую он считает образцом святости, оказывается обыкновенной проституткой. В этом плане он воспринимается как «рожденный от блудницы» (сотворенный ею) [23, 75].

Это Антихрист, «вызванный» самими людьми, плоть от плоти жестокого мира: «Вот чья-то грудь, а вот чья-то рука, делающая пулю для этой груди. Разве это приготовил я? Я только беру рычажок и – раз! – двигаю ее вниз.... Приготовленная пуля пробивает приготовленную грудь... Подумай: разве я мог бы убивать, если бы в мире были только скрипки и другие музыкальные инструменты?» [2, т.6, 228].

«Для многих традиционных сюжетов характерна... семантическая оппозиция, реализуемая в дихотомических персонажах» [19, 76]: в традиционных образах воплощаются бинарные антиномии. Например, Бог – Сатана («добро – зло»), Мадонна – Блудница («святость – грех») и т.д. Что касается Антихриста, то это не только «антагонист» Христа («спасение – уничтожение»), но и, как было замечено ранее, его ложный «двойник». Беззастенчивая «эксплуатация мессианской формы, стремление переподчинить человечество, использовав систему знакомых «символов»» [22, 86] всегда указывает на Антихриста, который приходит в мир во плоти Иисуса. Антихрист – «лжец», имитирующий добродетель и чудотворство Христа. С парой «Христос – Антихрист» традиционно связан мотив подмены истинного – ложным, светлого – темным, который получает развитие в творчестве Д. Мережковского, А. Белого и Л. Андреева («Сашка Жегулев», «Дневник Сатаны», «Мои записки», «Veni, creator!»).

«Губернский апокалипсис» начинается с Жегулева, но кульминационным моментом становится самозванство персонифицирующего потенциальное зло его теории Соловья, грубо извратившего «мессианскую» идею. «Васька Соловьев, назвавшись Жегулевым, собрал свою шайку и вплотную занялся грабежом, проявляя дикую и зверскую жестокость» [6, т.4, 203]. «Не то страшно в Соловьеве, что он подлец, даже и не то, что он не поверил в ихнюю чистоту, а то – что действия его похожи и называется он также – Сашка Жегулев. Так же отдает деньги бедным, – такая идет о нем молва, – так же наказывает угнетателей и мстит огнем, а есть он в то же время истинный разбойник, грабитель, дурной и скверный человек» [6, т.4, 213]. «Антихристово» начало «лесного атамана» выходит наружу, материализуясь в Соловье, который, подобно Лжепророку, скрывается под маской своего антагониста.

Соловей-Антихрист – «кривое зеркало» Жегулева. Данный персонаж выполняет гносеологическую функцию, имманентную большинству «двойников» произведений литературы XX века [19, 221]: через них осуществляется познание сути явлений, связи героев современности с определенными традиционными персонажами.

«Гротесковый образ «Христа-Антихриста»» проходит через все творчество писателя [17, 309]. Так же настойчиво претендует на роль «современного Христа» персонаж «Моих записок»: «как жертва, как Тот, Кто принял на Себя великий грех мира и его великие страдания, я хочу указать людям путь» [4, т.3, 154]. «Подобно тому невинному Агнцу,

который взял на себя грехи мира, – поднял я на свои человеческие рамена великий грех мира и бережно, не расплескав ни капли, донес его до могилы» [4, т.3, 173]. Но стремление «убедить читателей в уместности священных параллелей» [22, 83] идет не от писателя, а от повествователя, «самовольно» соотносящего себя с Христом. Лжемессия постоянно врет: жестокий, циничный убийца выдает себя за невинную жертву общества, героя-страдальца, проповедует смирение своим «ученикам». Заключенный утверждает «ложь-игру» как способ бытия в целом [4, т.3, 164]: «быть обманутым, – старинное желание мира» [3, т.6, 416]. Следовательно, Мессия должен стать гениальным обманщиком.

Данная мысль прослеживается и в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны». «Вочеловечившийся» Дьявол, пришедший на землю «лгать и играть» [2, 118], также примеряет маску «современного Христа». «С наглостью, достойной палок, Я закончил «словами незабвенного Учителя»:

– Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас.

Ах, как жаль, что Я лишен возможности творить чудеса! Маленькое и практичное чудо, вроде превращения воды в графинах в кисленькое кианти или нескольких слушателей в паштеты, было совсем не лишним в эту минуту...» [2, т.6, 144]. Это Антихрист-миллиардер: истинный Мессия отдает людям свою жизнь, Лжемессия то, что гораздо выше ценится, – деньги. Такую жертву всегда с радостью принимает человечество, значительно больше заботящееся о материальных благах, нежели о спасении, бессмертии. Миллиарды, имеют «дьявольскую силу» (мотив денег традиционно связан с образом Сатаны) и поражают не меньше чудес Христа. «Царство Антихриста – это царство морального зла» [7, 85], где люди «сребролюбивы», «нечестивы», лживы, а «наслаждения любят больше Бога» [7, 85]. Вокруг Лжепророка поднимается настоящий ажиотаж. «Радость римских газет, узнавших, что Я не погиб при катастрофе и не потерял ни ноги, ни миллиардов, равнялась радости иерусалимских газет в день неожиданного воскресения Христа...» [2, т.6, 141]. «Весь Рим шумит вокруг Меня. Я необыкновенный человек, который любит людей, и Я знаменит, ко Мне текут на поклонение не меньшие толпы, чем к самому наместнику Христа. Два папы сразу... Да, счастливый Рим не может назваться сиротою! Сейчас Я живу в отеле, где все стонет от восторга, когда Я выставляю на ночь ботинки...» [2, т.6, 140].

Вводя в подтекст своих произведений традиционный образ Антихриста, Л. Андреев показывает, что человечество постоянно культивирует идею мессианства, жаждет новых кумиров и чудес. Лжемессии (автор «Моих записок» и «вочеловечившийся» Дьявол) во всю потешаются над обществом, готовым принять их «игру» за чистую монету. «Добавлю, что в настоящее время я удостоен чести быть избранным в почетные члены многих человеколюбивых обществ, как-то: «Лиги мира», «Лиги борьбы с детской преступностью», «Общества друзей человека» и некоторых других» [4, т.3, 161]. «И самое любопытное, всю соль чего

сумеет оценить мой благосклонный читатель: часто ни на грош не веря мне, они, тем не менее, совершенно искренно восхищаются мною, кланяются, жмут руки и на каждом шагу лопочут: «Учитель!», «Учитель!». Они «совершенно бескорыстны и лгут точно по чьему-то высшему приказу, лгут в фантастическом убеждении, что ложь ничем не отличается от правды» [4, т.3, 163].

Революцию 1917 года многие представители русской интеллигенции восприняли как «малый Апокалипсис», Страшный Суд. Такая оценка этих событий характерна и для Л. Андреева: особенностью его публицистики является «постоянное присутствие реминисценций из Священного писания» [13, 83].

В духе народных традиций он трансформирует образ Антихриста, соотнося с Лжепророком очередного «разрушителя старого мира» – В. Ленина (статья «Veni, creator!»). Сопоставление В.Ленина с Христом дано в «пародийно-ироничном плане» [13, 86]: «... не тронь того, на ком почиет печать народного избранничества, кто ныне на осляти вступает в свой Иерусалим!» [1, 279].

В. Ленин, подобно Лжепророку, имитирует Спасителя, обещая «хлеб» и «мир» [1, 280]. Л. Андреев раскрывает «исторический обман», срывает маску Мессии со «страшного образа». «По июльским трупам, по лужам красной крови выступает завоеватель Ленин» [1, 278]. «Густится мрак, клубятся свирепые тучи, разъяренные вихри, и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ: царской короны на царской огромной голове» [1, 280]. «Вождь революции» – это «ужасное божество», «обладающее сатанинской гордыней» («ты сам есть великое презрение, ставшее над землею») [1, 279]. Это – Антихрист, царь «кровавого мира».

В заключительных строках статьи «Veni, Creator!» «сатанинский Мессия» [13, 83] – В. Ленин изображен как некий фантом, несущий страх и смерть. «Но ты суров, Ленин, ты даже страшен, Великий. Смотрю на тебя и вижу, как растет вширь и в высоту твое маленькое тело. Вот ты уже выше Александровской колонны. Вот ты уже над городом, как длинное облако пожара. Вот ты уже, как черная туча, простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище. Уже нет человеческих черт в твоём лице; как хаос, клубится твой дикий образ, что-то указывает позади дико откинута черная рука» [1, 280]. Гротескная трансформация акцентирует «дьявольскую сущность» «вождя революции».

Итак, активное обращение к традиционному образу Антихриста в творчестве Л. Андреева детерминировано историческим и философским факторами (кризисный период истории с характерным для него ростом интереса к мифу в целом и эсхатологическому – в частности). Отрицая христианское вероучение, писатель использует сюжетно-образный материал Библии для выражения собственных взглядов на «вечные» и актуальные проблемы. Образ Лжемессии присутствует в подтексте его произведений: форма творческого использования – создание ассоциации с традиционной фигурой (фигурами). Следствием актуализации «вневременных параллелей» становится универсализация проблематики. В

большинстве случаев, в семантическом поле персонажей-современников (вымышленных и реально-исторических) соприсутствуют содержательные константы образов Христа и Антихриста. Такая парадоксальная, на первый взгляд, контаминация предопределена творческой задачей художественной реализации авторских идей.

Неприятие персонажем пассивной жертвы Иисуса, пути «непротивления», в сочетании с желанием «спасти мир», «перерастает» в осознание необходимости «деятельного мессианства», немислимого без «крови по совести», которое, как показывает писатель, закономерно оборачивается против самого «Мессии»: Христос становится Антихристом («Савва», «Сашка Жегулев»).

«Гениально лгущий» миру и «самовольно» соотносящий себя со Спасителем претендент на статус «пророка-модерна» [2, т.6, 143] также закономерно ассоциируется с «темным двойником» Христа – Антихристом («Мои записки», «Дневник Сатаны», «Veni, Creator!»). Жаждающее быть обманутым, жестокое и алчное человечество с восторгом принимает Лжеучителя, который, по Андрееву, не приходит «из вне», но есть «плоть от плоти» его (Фома Магнус).

Восприятие писателем событий 1917 года как своеобразного «конца света» (характерное для многих представителей творческой интеллигенции рубежа веков) детерминирует актуализацию параллели «Ленин – Антихрист» («Veni, Creator!»). Л. Андреев продолжает традицию соотнесения «разрушителя старого мира» с «космическим узурпатором».

1. Андреев Л.Н. Veni, Creator! // Вопросы литературы. – 1990. – № 4. – С.278-281.
2. Андреев Л.Н. Дневник Сатаны // Собр. соч.: В 6 т. / Художественная литература. – М., 1996. – Т.6. – С.117-249.
3. Андреев Л.Н. Когда мы живые едим поросенка // Собр. соч.: В 6 т. / Художественная литература. – М., 1996. – Т.6. – С.415-419.
4. Андреев Л.Н. Мои записки // Собр. соч.: В 6 т. / Художественная литература. – М., 1994. – Т.3. – С.113-183.
5. Л.Н.Андреев. Савва // Собр. соч.: В 6 т. / Художественная литература. – М., 1990. – Т.2. – С.372-443.
6. Андреев Л.Н. Сашка Жегулев // Собр. соч.: В 6 т. / Художественная литература. – М., 1994. – Т.4. – С.73-259.
7. Антихрист // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т.1. – С.85-87.
8. Антофийчук В.И. Своєрідність трансформації євангельського сюжетно-образного матеріалу в українській літературі: Дис.... д-ра філол.наук: 10.01.01. – Чернівці, 2001. – 385 с.
9. Бабичева Ю. Драматургия Леонида Андреева: Дис... д-ра філол. наук. в 3 т.: 10.01.02. – М., 1971. – Т.2.– С.287-607.
10. Боева Г.Н. Идея синтеза в творческих исканиях Л.Андреева: Дис.... канд. філол. наук: 10.01.02. – Воронеж, 1996. – 145 с.
11. Васильев В.К. Миф о Христе и Антихристе как архетипический сюжет в русской литературе // Книга и литература. – Новосибирск: НГУ, 1997. – С.33-47.

12. Волков А.Р. К теории традиционных сюжетов // Сравнительное изучение славянских литератур. – М.: Наука, 1973. – С.303-315.
13. Джулиани Р. Л.Н.Андреев и Октябрьская революция, или Революция как Апокалипсис // Русская литература. – 1997. – № 1. – С.78-93.
14. Драненко Г.Ф. Особливості переосмислення міфу про Алкмену та Амфітріона в літературі ХХ століття: Автореф... канд. філол. наук: 10.01.04 / Інститут літератури імені Тараса Шевченка. – К., 2000. – 20 с.
15. Литературное наследство. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. – М.: Наука, 1965. – Т.72. – 630 с.
16. Михеичева Е.А. Творчество Л.Андреева: особенности психологизма и жанровой модификации: Дис... д-ра філол. наук: 10.01.02. – М., 1995. – 433 с.
17. Московкина И.И. Поэтика прозы Леонида Андреева. Жанровая система и художественный метод: Дис... д-ра філол. наук: 10.01.02. – Харьков, 1994. – 329 с.
18. Муслиенко Е.В. Л.Андреев, М.Хвылевой: концепция абсурдного мира // Эстетика диссонансов. (О творчестве Л.Андреева). Межвузовский сб. научн. трудов. – Орел: ОГПУ, 1996. – С.43-76.
19. Няму А.Е. Легендарно-мифологическая традиция в мировой литературе (теоретический и историко-литературный аспекты): Дис... д-ра філол. наук: 10.01.04. – Черновцы, 1997. – 462 с.
20. Няму А.Е. Поэтика традиционных сюжетов. – Черновцы: Рута, 1999. – 173 с.
21. Соколов Е. Г. Модерн – декаданс: Вагнер и символизм // Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Серия «Мыслители», выпуск 5. – С-Пб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.235-244.
22. Татаринов А.В. Формирование мифологического реализма в творчестве Л.Андреева (1898-1911 годы): Дис... канд. філол. наук: 10.01.02. – Уфа, 1996. – 233 с.
23. Титянин К.А. Традиционные образы и сюжетные мотивы в романе М.А.Булгакова “Мастер и Маргарита” (евангельская тема): Дис... канд. філол. наук: 10.01.02. – Черновцы, 1993. – 160 с.
24. Тихонов И.А. Формы и функции фантастики в русской прозе н. ХХ в.: Дис...канд. філол. наук: 10.01.02. – Вологда, 1994. – 183 с.
25. Холодов О. Б. Міфопоетика в літературі: основні теорії, шляхи і методи міфопоетичного аналізу. Навчально-методичний посібник. – Одеса: Астропринт, 2004. – 72 с.
26. Чуковский К.И. От Чехова до наших дней: Литературные портреты. – С-Пб.: Изд. бюро, 1908. – С.129-140.
27. Чулков Г. Годы странствий. – М.: Федерация, 1930. – 383 с.

Summary

The Anti-Christ image in L. Andreyev's creative work is shown in the aspect of theory of traditional images and plots. Genealogy of literary modifications of this personage and his Russian versions are investigated. The main idea is that Andreyev's Anti-Christ image is revealed in grotesque contaminations, and also in imitation of False-Prophet (Lenin).

Стаття надійшла до редколегії 18.05.2005